

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
«ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ»
ФАКУЛЬТЕТ ПРАВА

Приложение
к ежегодному сборнику
факультета права НИУ ВШЭ
«Право. Гражданин.
Общество. Экономика»
Выпуск 10

Материалы студенческой
научно-практической конференции
«ДНИ НАУКИ ФАКУЛЬТЕТА ПРАВА
НИУ ВШЭ-2017»

28 февраля – 1 марта 2017 г.

• ПРОСПЕКТ •

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
«ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ»

ФАКУЛЬТЕТ ПРАВА

Приложение
к ежегодному сборнику
факультета права НИУ ВШЭ
«Право. Гражданин.
Общество. Экономика»

Выпуск 10

Материалы студенческой
научно-практической конференции
«ДНИ НАУКИ ФАКУЛЬТЕТА ПРАВА
НИУ ВШЭ-2017»

28 февраля – 1 марта 2017 г.

Электронные версии книг на сайте
www.prospekt.org

Москва
2018

Бочинин И.П. Правовое регулирование договора факторинга: актуальные проблемы.....	56
Медведева Ю.И. Отказ от осуществления права по договору (waiver): проблемы применения.....	61

Секция

ТЕОРИЯ, ИСТОРИЯ И ФИЛОСОФИЯ ПРАВА

Сопова А.П. Спор о праве: дискуссия К.К. Арсеньева и Л.А. Тихомирова о свободе печати на страницах «Вестника Европы» и «Русского обозревателя» в 1896 году.....	67
Суздальцев Е.С. Вклад Гроция в развитие юридической герменевтики	71

Секция

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

Абрамян Т.А. Уголовная ответственность юридических лиц: аргументы за и против.....	83
Новикова Е.В. Уголовная политика в сфере банкротства	91
Павлов Д.В. Институт досудебного соглашения о сотрудничестве требует переосмысления	97

Секция

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

Подсекция МЕЖДУНАРОДНОЕ ПУБЛИЧНОЕ ПРАВО	103
--	-----

Варламов Ю.Е. Концепция Jus Post Bellum и ее применение в международном праве.....	103
Кудинов А.С. Пределы компетенции международных следственных комиссий	110
Никанорова А.Д. Особенности международного сотрудничества в области несудоходного использования международных рек на примере Российской Федерации	112

Подсекция МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО	117
--	-----

Читая Р.Г. Французская доверительная собственность как механизм гарантирования исполнения акционерных соглашений	117
Шунаев Д.М. Блокирующие статуты	123

статье 2012 ФГК, фидуциарный договор в отношении совместной собственности супругов должен быть заверен нотариусом. Согласно статье 2019 ФГК, фидуциарный договор в отношении имущества, передача которого, по общему правилу, оформляется письменным документом, должен быть заключен в письменной форме.

Несмотря на обозначенный ранее принцип свободы соглашения, французская доктрина (в частности, Франсуа Барьер¹) и практика пришли к выводу о том, что фидуциарный договор должен быть заключен в письменной форме.

Согласно статье 2018 ФГК, существенными условиями фидуциарного договора являются:

- 1) предмет договора (передаваемое имущество, право, гарантию);
- 2) срок договора (не более 99 лет со дня подписания договора);
- 3) определение фидуциария;
- 4) определение учредителя;
- 5) определение бенефициара;
- 6) функции (полномочия) фидуциария.

На наш взгляд, интеграция подобной модели гарантирования своевременного и абсолютного исполнения акционерного соглашения в России возможна посредством:

1) создания доверительной собственности, подчиненной французскому правопорядку, в отношении прав и обязанностей по российскому акционерному соглашению;

2) использования российского института доверительного управления в отношении прав и обязанностей по российскому акционерному соглашению.

Мы считаем, что подобная интеграция предупредит возможные негативные судебные и финансовые издержки, предотвратит возможное обнародование внутрикорпоративных споров, позволит достичь устойчивого развития организации.

Шунаев Д.М.

(Shunaev D.M.),

студент 2-го курса магистратуры факультета права

Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»,

г. Москва

Блокирующие статуты

1. Блокирующие статуты. Под «блокирующим статутом» (blocking statute) в литературе понимают нормативные правовые акты, принимаемые в качестве реакции на экстерриториальное действие иностранного права и блокирующие такое действие, устраняющие его последствия или затрудняющие применение правовых норм, дей-

¹ François Barrière. La fiducie. Bull. Joly. 2007. № 16. С. 440.

ствующих экстерриториально¹. С точки зрения международного публичного права блокирующий статут следует в некоторых случаях квалифицировать как контрмеру², в некоторых — как правомерное деяние, принятое в пределах реализации принципа суверенного равенства государств³.

Несмотря на то что данная тематика преимущественно относится к сфере международного экономического, а следовательно, международного публичного права, принятие блокирующего статута влечет значимые последствия в области международного частного права и международного гражданского процесса.

2. Блокирующие статуты в международном частном праве. Целая серия блокирующих статутов была принята, в частности, с начала 1980-х годов в качестве реакции на экстерриториальное действие американского антимонопольного законодательства⁴. Рассмотрим вопрос чуть подробнее.

Хотя Акт Шермана, основополагающий источник американских антимонопольных норм, прямо предусматривал положения о собственном экстерриториальном действии, общее правило права США относительно международной юрисдикции, установленное еще в 1909 году, гласило: американское право экстерриториального эффекта не имеет⁵. Данная презумпция никогда не была опровергнута, а, напротив, подтверждалась, причем в наиболее ясном виде в 1993 году в деле *Агатсо*: «законодательство, принимаемое Конгрессом до тех пор, пока не явствует противоположная его воля, предполагается применяющимся только в пределах территориальной юрисдикции Соединенных Штатов»⁶.

Существенный отход от такой практики, однако, имел место уже в 1927 году, когда Верховный суд США указал, что американское право распространяет свое действие на поведение, которое имеет место одновременно и на территории США, и вне нее⁷. «Революция» произошла в 1945 году — со знаменитым делом *Alcoa* (*Aluminium Company*

¹ На русском языке о блокирующих статутах см.: *Базедов Ю.* Право открытых обществ — частное и государственное регулирование международных отношений: общий курс международного частного права / пер. с англ. Ю.М. Юмашева. М.: Норма, 2016. С. 256–263.

² См. ст. 49–54 Ответственности государств за международно-противоправные деяния (Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 56/589 от 12.12.2001) // URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/responsibility.pdf.

³ См.: *Базедов Ю.* Указ. соч. С. 256–257.

⁴ См.: *Shenefield J.H.* Remarks on Jurisdictional Conflicts Arising from Antitrust // *Antitrust Law Journal*. 1985. Vol. 54. № 2. P. 715–721.

⁵ *American Banana Co. v. United Fruit Co.* 213 U.S. 347 (1909).

⁶ *Equal Employment Opportunity Commission v. Arabian American Oil. Co (Aramco)*, 499 U.S. 244 (1991).

⁷ *United States v. Sisal Sales Corporation*, 274 U.S. 268 (1927).

of America)¹. В этом деле и была сформулирована доктрина эффектов, или теория последствий (effects doctrine), причем в ее «неквалифицированном», то есть неограниченном, виде. Согласно этой доктрине, американское антимонопольное законодательство распространяет свое действие на то поведение, которое имеет эффект на территории США, даже если оно и происходит за рубежом². Такая позиция высшего суда США в дальнейшем вызвала множество разногласий международно-правового характера между США и их партнерами, среди которых были и самые «близкие» – Канада и Великобритания³.

Особенно острым был конфликт с Великобританией. США считали свои антимонопольные законы распространяющимися на морских перевозчиков из Великобритании, что противоречило британским интересам. Для того чтобы защитить их, Великобритания приняла в 1964 году специальный «блокирующий» статут (The Shipping Contracts and Commercial Documents Act 1964). Он, однако, работал плохо: в качестве критерия применимости он устанавливал «нарушение юрисдикции» Великобритании, доказывание чего в случае международных переговоров являлось не такой уж простой задачей⁴. Кроме того, из всех отраслей экономики он касался лишь морских перевозок.

Американские судьи и законодатели не могли не замечать противодействия со стороны европейских стран, со временем начав двигаться в сторону сужения собственной юрисдикции и, следовательно, охвата собственных антимонопольных норм. Это ярко проявилось уже в 1976 году, когда американские суды выработали позицию, согласно которой международная вежливость (comity) требует, чтобы «американские суды отказывали себе в юрисдикции, когда такие факторы, как жизненно важные интересы иностранных государств, перевешивают

¹ *United States v. Alcoa*, 148 F.2d 416 (2d Cir. 1945). Данное дело рассматривалось достаточно специфическим образом: не Верховным судом США, но одним его судьей Лернедом Хендом (Learned Hand). Причиной этому послужили неоднократные пересмотры предыдущих решений, в силу чего во Втором окружном суде не набиралось кворума из судей, кто не рассматривал бы это дело ранее.

² Полноценным составом Верховного Суда доктрина эффектов в антимонопольном праве была подтверждена, по сути, только в 1993 году в решении по делу *Hartford*. См.: *Hartford Fire Insurance Co. v. California*, 113 S.Ct. 2891 (1993).

³ *Batista P.A. Confronting Foreign «Blocking» Legislation: A Guide to Securing Disclosure from Nonresident Parties to American Litigation* // *The International Lawyer*. 1983. Vol. 17. № 1. P. 71 (Канада считала экстерриториальность антимонопольного права США нарушением своего суверенитета); *Litvak I.A., Maule C.J. Conflict Resolution and Extraterritoriality* // *The Journal of Conflict Resolution*. 1969. Vol. 13. № 3. P. 305–319.

⁴ *Lowe A.V. Blocking Extraterritorial Jurisdiction: The British Protection of Trading Interests Act 1980* // *The American Journal of International Law*. 1981. Vol. 75. № 2. P. 270.

интересы Соединенных Штатов»¹. Этот подход получил наименование «юрисдикционного правила разумности» (противопоставляемого аналогичному материально-правовому правилу). Он получил дальнейшее подтверждение в 1979 году².

В то же время взвешивание интересов, предлагаемое таким подходом, подвергалось заслуженной критике как совершенно неопределенный и очень сложный для американского судьи метод. В этой связи в 1982 году был принят статут (Foreign Trade Antitrust Improvements Act 1982³), введший «квалифицированную», или ограниченную, доктрину эффектов (limited effects doctrine), согласно которому юрисдикцию американского суда создает только такой эффект на территории США, который является «прямым, существенным и разумно предвидимым» (direct, substantial, and reasonably foreseeable). Таким образом, американские юрисдикционные «аппетиты» были весьма урезаны⁴.

Это осуществилось, однако, несколько поздно: «блокирующие статуты», направленные, в частности, против правила о тройных убытках (treble damages), уже были приняты⁵. Неприятие тройных убытков обусловлено их карательным характером и тем фактом, что за публичное нарушение выгоду получает частный истец, что не в полной мере укладывается в европейское правопонимание⁶. Ситуация с тройными убытками усугубляется и иными блокирующими статутами, в частности, послужившими реакцией на экономические меры США против Кубы, принятыми в 1996 году (Helms-Burton Act 1996)⁷.

¹ Timberlane Lumber Co. v. Bank of America, 549 F.2d 597 (1976).

² Mannington Mills, Inc. v. Congoleum Corp., 595 F.2d 1287 (1979).

³ 15 U.S.C. §6a.

⁴ Тогда же, к слову (в ноябре 1982 г.), администрацией Рейгана были сняты и экстерриториальные правила экспортного контроля. Таким образом, блокирующие статуты «сработали».

⁵ См.: *Shenefield J.H.* Remarks on Jurisdictional Conflicts Arising from Antitrust // *Antitrust Law Journal*. 1985. Vol. 54. № 2. P. 715–721; *Lowe A.V.* Blocking Extraterritorial Jurisdiction: The British Protection of Trading Interests Act 1980. P. 257–282.

⁶ О наличии здесь конфликта правовых взглядов и, шире, традиций см.: *Rogers C.P., Grossfeld B.A.* Shared Values Approach to Jurisdictional Conflicts in International Economic Law // *The International and Comparative Law Quarterly*. 1983. Vol. 32. № 4. P. 933. Авторы рассматривают юрисдикционные конфликты с участием США в качестве «столкновения американских правовых институтов с иностранными правовыми системами и ценностями, лежащими в их основе». Другие авторы отмечают, что в США в области права стремятся в первую очередь к достижению разумных решений, тогда как в Европе – к определенности. См.: *International Aspects of Discovery // ISIL Proceedings*. 1989. Vol. 83. P. 508.

⁷ См.: *Fairley H.S.* Third-State Objections to the Extraterritorial Application of National Laws: A Focus on Helms-Burton // *Proceedings of the Annual Meeting (American Society of International Law)*. Implementation, Compliance and Effectiveness. 1997. Vol. 91. P. 339–342; о мексиканской реакции на этот за-

Содержание блокирующих статутов, как правило, сводится к следующему: 1) установление запрета на предоставление информации, запрашиваемой иностранным государством в целях применения своего права; 2) запрет в отношении граждан и юридических лиц данного государства на соблюдение и (или) исполнение экстерриториальных предписаний иностранного государства, за несоблюдение которого применяются санкции вплоть до лишения свободы; 3) запрет в отношении судов данного государства на признание и приведение в исполнение иностранных судебных или арбитражных решений, основанных на правовых нормах экстерриториального действия; 4) установление права требовать возмещения убытков лицом, против которого было вынесено и (или) исполнено иностранное судебное или арбитражное решение, основанное на правовых нормах экстерриториального действия, понесенных вследствие принятия или исполнения такого решения («claw-back provisions»).

Максимальный эффект позволяют достичь т.н. «claw-back provisions», позволяющие взыскать понесенные за рубежом вследствие применения экстерриториальных норм права убытки в стране, принявшей блокирующий статут. Такие положения, в частности, присутствуют в мексиканском и британском¹ блокирующем статутах, а также в Европейском блокирующем регламенте. В рамках Европейского союза они приобретают особое значение: возможность привести в исполнение судебное решение о взыскании такого рода убытков обеспечивается посредством Регламента Brussels I bis.

К настоящему времени в чисто антимонопольной сфере конфликт практически исчерпан. Основных причин этому, по нашему мнению, как минимум две. Во-первых, уже рассмотренное самоограничение американской юрисдикции. Во-вторых, тот факт, что Европейские сообщества (а теперь — Европейский союз) также стали использовать доктрину эффектов и рассматривать действие своего антимонопольного права как экстерриториальное².

кон, выразившейся в принятии соответствующего блокирующего статута, истории принятия этого статута, а также его английский текст см.: *Vargas J.A.* Mexico: Act to Protect Trade and Investment from Foreign Norms That Contravene International Law // *International Legal Materials*. 1997. Vol. 36. № 1. P. 133–154; Council Regulation (EC) No. 2271/96 of 22 November 1996 Protecting Against the Effects of the Extra-Territorial Application of Legislation Adopted by a Third Country, and Actions Based Thereon or Resulting Therefrom // <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A31996R2271> («блокирующий регламент»).

¹ О британском статуте см.: *Lowe A.V.* Blocking Extraterritorial Jurisdiction: The British Protection of Trading Interests Act 1980 // *The American Journal of International Law*. 1981. Vol. 75. № 2. P. 257–282.

² Явно — после дела *Wood Pulp* 1988 г. См.: *Alford R.P.* Extraterritorial Application of Antitrust Laws: The United States and European Community Approaches // *Virginia Journal of International Law*. 1992. Vol. 33. P. 32.

В 1991 году был заключен соответствующий международный договор между Европейским союзом (тогда — Европейским экономическим сообществом) и США, посвященный сотрудничеству в сфере антимонопольной политики¹. Таким образом, проблему на данном уровне можно было считать практически исчерпанной. То же самое применимо и к Канаде, с которой США заключили соглашение в 1995 году². В итоге экстерриториальность антимонопольного права стала к настоящему времени практически самоочевидной вещью. Это влечет некоторый эффект «кумуляции», когда определенное лицо вынуждено соблюдать антимонопольные требования сразу нескольких правовых порядков. Возникает и специальное коллизионное регулирование деликтов в сфере конкуренции³. Не обошла эта тенденция и Россию. Экстерриториальность российского антимонопольного права прямо установлена Федеральным законом «О защите конкуренции»⁴. Существует и практика экстерриториального применения российского антимонопольного законодательства⁵. Таким образом, непосредственное экстерриториальное действие антимонопольного права в итоге стало общемировой тенденцией.

В контексте международного частного права также интересен вопрос регулирования рынка ценных бумаг (как публичных норм с частноправовым эффектом). Как отмечал Ларри Крэмер в 1995 году, «в течение многих лет Комиссия по ценным бумагам и биржам (SEC, Securities and Exchange Commission — Д.Ш.) считала, что американские законы о ценных бумагах могут применяться к любому поведению, затрагивающему американские рынки»⁶. Этой позиции, по-видимому, в 2010 году

¹ Agreement between the Government of the United States of America and the Commission of the European Communities regarding the Application of their Competition Laws (23 September 1991) // URL: [http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/?uri=CELEX:21995A0427\(01\)](http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/?uri=CELEX:21995A0427(01)).

² Agreement between the Government of Canada and the Government of the United States of America Regarding the Application of Their Competition and Deceptive Marketing Practices Laws (August 1995) // <http://www.competitionbureau.gc.ca/eic/site/cb-bc.nsf/eng/01592.html>

³ См., например, ст. 1222.1 ГК РФ и ст. 6 Регламента Рим II.

⁴ «Положения настоящего Федерального закона применяются к достигнутым за пределами территории Российской Федерации соглашениям между российскими и (или) иностранными лицами либо организациями, а также к совершаемым ими действиям, если такие соглашения или действия оказывают влияние на состояние конкуренции на территории Российской Федерации» (п. 2 ст. 3 Федерального закона от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции») // СЗ РФ. 2006. № 31. Ч. 1. Ст. 3434.

⁵ Дело ОАО «Мозырьсоль». См.: Решение ФАС России от 03.02.2011 по делу № 1 11/142-10; Сравнительный анализ целей конкурентного права США, ЕС и России. М.: Центр ЮрИнфоР, 2015. С. 45–53. В данном деле, отметим, нарушение было устранено добровольно.

⁶ *Kramer L.* Extraterritorial Application of American Law After the Insurance Antitrust Case: A Reply to Professors Lowenfeld and Trimble // *American Journal of International Law*. 1995. Vol. 89. № 4. P. 753.

с делом *Morrison* пришел конец: Верховный суд США постановил, что по общему правилу американские законы о ценных бумагах не имеют экстерриториального действия (в силу презумпции против экстерриториальности) и применяются только к американским ценным бумагам, а не к любым из них в соответствии с доктриной эффектов¹.

Отметим, что зачастую блокирующие статуты рассматриваются с точки зрения юриспруденции ценностей² — логического развития юриспруденции интересов Р. фон Иеринга. Само их существование подтверждает тезис о том, что современная правовая картина не представляет собой чего-то цельного, а является, скорее, мозаикой правовых систем, взаимодействующих друг с другом самым различным, подчас неожиданным образом³.

3. Блокирующие статуты в международном гражданском процессе. Экстерриториальное действие процессуального права США, регулирующего процедуры раскрытия доказательств (*pre-trial discovery*), в отношении документов, находящихся за рубежом, расценивалось иностранными правительствами как очередное вмешательство в сферу их суверенитета. Во-первых, в данной сфере существовал — и существует до сих пор — явный конфликт правовых (процессуальных) традиций: европейские правовые порядки (исходящие в том числе из ст. 6 Европейской конвенции прав человека и основных свобод 1950 года о «праве на справедливое судебное разбирательство») исходят из недопустимости принуждать одну из сторон раскрывать информацию, которая может помочь ее оппоненту выиграть процесс⁴.

Во-вторых, как большинство европейских стран, так и США ратифицировали Гаагскую конвенцию 1970 года о получении за границей доказательств по гражданским и торговым делам (далее — Конвенция). Согласно Конвенции существует две возможных процедуры получения доказательств за рубежом: 1) посредством судебного поручения (*letter of request*; гл. 1, ст. 1–14, «сердце конвенции»⁵); 2) с помощью дипломатического или консульского представителя либо уполномоченного лица (гл. 2, ст. 15–21)⁶. Суды США, рассматривая вопрос о том, является ли процедура, предусмотренная в Конвенции, «эксклюзивными», то есть исключаящими любое иное решение вопроса помимо обращения к ним, отвечали на него отрицательно, указывая, что они «предпочи-

¹ См.: *Morrison v. National Australia Bank*, 561 U.S. 247 (2010).

² См.: *Rogers C. P., Grossfeld B.* Op. cit.

³ См.: *Рубанов А. А.* Теоретические основы взаимодействия национальных правовых систем. М.: Наука, 1984. С. 4.

⁴ *Heck A.* Federal Republic of Germany and the EEC // *The international Lawyer*. 1984. Vol. 18. № 4. P. 794.

⁵ *Heck A.* Op. cit. P. 800.

⁶ Выделяют и три такие процедуры, дифференцируя процедуру получения доказательств через дипломатического или консульского представителя, с одной стороны, и через уполномоченное лицо — с другой. Содержательно это, однако, ничего не меняет.

тают верить», что могут использовать и свои национальные процедуры, а не только порядок, установленный Конвенцией¹. Указывая, что «иностранное право не может контролировать местное», то есть право США, они попросту игнорировали вопрос, допустимо ли раскрытие доказательств по праву местонахождения документов или нет².

Стоит отметить, что вся Конвенция была не вполне понятна для американских судей. В американском состязательном процессе стороны сами представляют все доказательства, суд процессом фактически не руководит, лишь разрешая дело; в европейских же правопорядках дело обстоит совершенно иначе³. Американские судьи не вполне понимали, каким образом они могут обратиться к иностранным судьям. Европейские же юристы, в свою очередь, совершенно не осознавали, что именно представляет собой американская процедура досудебного раскрытия доказательств (*pre-trial discovery*), считая, что слово «досудебная» здесь указывает на внесудебный ее характер, что совершенно неверно. Этими причинами и было обусловлено включение в Конвенцию статьи 23 о возможности сделать оговорку о нераспространении положений Конвенции на досудебное раскрытие документов. Такую оговорку сделали практически все участники Конвенции.

В итоге американские судьи продолжали требовать от участников процесса, происходящего в США, раскрытия документов, находящихся в Европе, под угрозой применения «уникального арсенала санкций»⁴. Примечательно еще и то, что зачастую США требовали раскрытия доказательств по антимонопольным делам, что еще более усугубляло ситуацию. Это послужило другой причиной принятия «блокирующих статутов», включая и упоминавшийся выше британский Закон о защите торговых интересов 1980 года, и французский Закон № 80-538. Более того, зачастую «блокирующие статуты» понимают узко⁵, исключительно как нормативные правовые акты, направленные на затруднение получения доказательств за рубежом⁶.

Такая характеристика вполне применима к французскому блокирующему статуту. Он устанавливает уголовно-правовые санкции за несо-

¹ См.: *Batista P.A. Confronting Foreign «Blocking» Legislation: A Guide to Securing Disclosure from Nonresident Parties to American Litigation // The International Lawyer. 1983. Vol. 17. № 1. P. 79.*

² *Ibid.* P. 73.

³ Сравнение американского и европейского процессуального права см.: *Heck A. Op. cit. P. 793–803.*

⁴ *Heck A. Op. cit. P. 798.*

⁵ Мы противопоставляем такое понимание «широкому», описанному выше, в §2.2 работы.

⁶ См. например: *Hague Conference on Private International Law: Report of the Special Commission on the Operation of the Hague Convention on the Taking of Evidence Abroad in Civil or Commercial Matters // International Legal Materials. 1985. Vol. 24. № 6. P. 1678; Briggs J. DeQ. The Impact of Foreign Competition on U.S. Antitrust Enforcement // Antitrust Law Journal. 1996. Vol. 65. № 1. P. 257.*

блюдение собственных положений, среди которых — запрет предоставления доказательств, находящихся на территории Франции, в нарушение французского права. Именно из-за этого отмечается, что единственная его цель — заставить американские суды соблюдать положения Конвенции, используя предусмотренные в ней процедуры¹. В этих же целях и были установлены уголовные санкции — в целях предоставления французским ответчикам возможности использования в американском суде возражения об иностранном суверенном принуждении (*foreign sovereign compulsion defence*)², освобождающего от обязанности предоставлять такие доказательства. Уголовная санкция, установленная законом, на самом деле предназначалась для защиты, а не для наказания; ее цель — создать иллюзию риска быть привлеченным к уголовной ответственности³. За весь период действия во Франции блокирующего статута он применялся один раз, и то в 2007 году, через 27 лет после принятия⁴.

Ни американские, ни английские суды⁵ не позволили использовать вышеупомянутое возражение, поскольку «суд английского права ищет настоящий риск (в контексте *foreign sovereign compulsion defence*. — Д.Ш.), а не формальности»⁶, а раскрытие доказательств — «это вопрос *lex fori*»⁷. Даже факт единокатного применения французского блокирующего статута не изменил практику его игнорирования⁸. Таким образом, блокирующие статуты в данной сфере не показали себя эффективными. В настоящее время эта тематика является актуальной преимущественно в контексте оффшорных юрисдикций⁹. Американское право как обладало, так и обладает непосредственным экстерриториальным действием; меры по ограничению такого его действия, а равно затруднению его реализации, существенного успеха не возымели.

¹ См.: *Batista P.A.* Op. cit. P. 67; United States: U.S. Brief Submitted to the Supreme Court in Response to Court's Invitation in *Club Mediterranee v. Dorin* (State Court Orders for Interrogatories v. Utilization of Hague Evidence Convention) // *International Legal Materials*, 1984. Vol. 23. № 6. P. 1340.

² *Lowe A.V.* Blocking Extraterritorial Jurisdiction: The British Protection of Trading Interests Act 1980. P. 265; *Rogers C.P., Grossfeld B.A.* Op. cit. P. 934.

³ См.: *Batista P.A.* Op. cit. P. 67; *Halkerston G.* English Disclosure Processes and Foreign Blocking Statutes // *Trust and Trustees*. 2014. Vol. 20. № 9. P. 947; *Transnational Litigation: Discovery Abroad*. P. 69.

⁴ *Ibid.* P. 954.

⁵ Также применяющие *pre-trial discovery*, но в куда более ограниченных масштабах.

⁶ *Re Casterbridge Properties Ltd* [2003] BCC 724 (Jacob J).

⁷ *Partenreederei M/S Heidberg v Grosvenor Grain And Feed Company Limited (The Heidberg)* [1993] I.L.Pr. 718.

⁸ См.: *Halkerston G.* Op. cit. P. 954.

⁹ *Ibid.* P. 944.